

Интервью с Главным секретарём Церкви Ингрии о. Михаилом Ивановым после Финно-угорской теологической конференции

– Для чего Церковь Ингрии участвует в подобных конференциях?

– Прежде всего – для того чтобы донести нашу позицию по важным вопросам до тех людей, которые на эту конференцию приехали. Мы выступаем в качестве свидетелей истины и считаем, что наша позиция по многим обсуждаемым сегодня вопросам правильная, и мы хотим ею поделиться. Главная задача, на мой взгляд, такая. Может быть, это слишком самоуверенная задача, слишком амбициозная для маленькой Церкви, но нам это свойственно (*смеётся*).

– Какие в Церкви Ингрии главные, на Ваш взгляд, проблемы, и как они решаются?

– Проблемы можно поделить на две категории. Первая категория – это проблема ортодоксии, вторая категория – проблема ортопраксии. Что касается проблемы ортодоксии, то мы, к сожалению, очень мало знаем о нашем богословском наследии, об учении Церкви. Необходимо каким-то образом эту огромную лакуну восполнить для того, чтобы даже в рамках теологической конференции выступать, обладая должным весом, имея возможность грамотно парировать любой выпад со стороны оппонентов. Иными словами: священники и Церковь в целом должны быть грамотными богословски. Это решается за счет хороших образовательных программ, перевода, написания и издания достойной богословской литературы, а главное, пробуждения в священниках и прихожанах желания погружаться в учение Церкви. Пока мы на пути к достижению этой цели. И проблема ортопраксии – это то, с чем Церковь сталкивается на протяжении всей своей истории. Всегда есть нужда в преодолении пропасти между учением и практикой как среди духовенства, так и среди прихожан.

– И какие здесь особые сложности?

– Это те сложности, помочь разрешить которые призвана Богословская комиссия. Например, Церковь должна выработать внятный алгоритм действия для священника в случае, когда случается в жизни прихожан развод или повторный брак. Как быть с этими людьми? Это же тоже вопрос ортопраксии.

– Какова Ваша личная позиция относительно повторного брака?

– Я категорически против развода как такового. Мы знаем, что в Писании развод допускается только в случае прелюбодеяния. Существует еще и так называемая «привилегия апостола Павла» из Первого Послания к коринфянам (7:15): если муж неверующий отказывается жить с женой верующей и настаивает на разводе то, в общем, она свободна. Только тут очень важно помнить, что Павел говорил о ситуации, когда в уже имеющейся семье, состоящей из мужа-язычника и жены-язычницы, предположим, супруга становилась христианкой, и это не устраивало мужа. И именно муж-язычник инициирует развод. Павел не говорит о тех ситуациях, когда в христианской семье неудовлетворённая положением дел супруга говорит о своем муже: «Да вообще он язычник!» и считает это достаточным основанием для развода. Поэтому мы надеемся, что Богословская комиссия сформулирует четкую позицию Церкви по этой теме. И есть ещё целая череда дополнительных вопросов.

– Когда состоится следующее заседание Богословской комиссии?

– Перед Синодальным советом, 8 сентября. И перед нами стоит задача создать некий аналог разработанного канонического права, которое позволит приходским пасторам не от своего имени решать проблему, а сослаться на решение Церкви. Сказать, что я-то вам сочувствую всеми силами, но вот есть бумага и так решила Церковь в лице сначала Богословской комиссии, потом Синодального совета, а затем и Синода. Это сильно поможет в служении и предохранит от многих трагических ошибок.

– **Вы сказали во время дискуссии в группах, что Богословская комиссия какие-то практические вопросы, с которыми священнослужители сталкиваются, уже решила.**

– Да. Хотя не все решения были по значительным темам. В частности, мы сформулировали алгоритм действий, когда в приход обращаются с просьбой о крещении ребенка граждане других государств, принадлежащие к другим лютеранским Церквям. Важно, что была принята Декларация о содомской грехе, где внятно была сформулирована позиция Церкви Ингрии. И на этапе разработки находится документ о Священном Писании. Хотя он уже почему-то выложен на сайт как итоговый документ, он требует внимательного прочтения и, может быть, переработки отдельных пунктов. У этого документа есть не совсем лютеранский «бэкграунд», поэтому нужно ещё разбираться и смотреть.

– **Богословская комиссия не планирует издать документ с обоснованием неприятия Церковью Ингрии ординации женщин? Этот вопрос задают пасторы нашей Церкви.**

– Да, несомненно. Но на данном этапе это не тот вопрос, который стоит ребром в Церкви Ингрии. Это, скорее, вопрос, который стоит ребром во взаимоотношениях Церкви Ингрии с другими лютеранскими Церквями. Но рано или поздно Богословская комиссия возьмется и за эту тему. Очевидно, что итогом этой работы будет категорическое «нет» практике ординации женщин; но это «нет» должно быть обоснованное. Сейчас, на мой взгляд, мы должны более внимательно посмотреть на вопрос укрепления института семьи, потому что это самая болезненная тема для многих прихожан, и Церковь должна внятно высказаться по этому вопросу. Но среди намеченных в перспективе тем есть и ответ Чемберлену о женском «священстве».

– **Тогда к проблемам, которые в нашей Церкви: почему пасторы уходят в православие?**

– Я думаю, что нет однозначного ответа на этот вопрос. У каждого целая гамма причин, от сугубо личных до, может быть, каких-то богословских, иногда даже эстетических. Много разных моментов, на которые надо обращать внимание и которые повлияли на их уход. Но, может быть, одна из причин – как раз в том, что мы пока ещё находимся в «подростковом» состоянии, если говорить о богословском развитии Церкви Ингрии, и кого-то это перестает устраивать.

– **Разве наше богословское развитие не тянется с более древних веков?**

– Нет, я говорю о Церкви Ингрии, о тех двадцати годах...

– **Но мы же это всё переняли?**

– П е р е н и м а е м. Проблема в том, что мы – в процессе перенимания богословского наследия Церкви, взяли некий *minimum minimum*, который требуется для выживания. Коробку сухарей и воду. И первые годы действительно этого было достаточно. Но потом, очевидно, что, да, сухари – это хорошо, но вот сейчас мы выдохнули, мы можем уже более свободно действовать, проповедовать и развиваться, давайте посмотрим, что у нас там, в загашниках, есть ещё? А там у нас на самом деле на пир горой хватит продуктов. Но это нужно доставать, с этим нужно разбираться. А не всегда хочется. И из-за этого возникает иногда искушение (не отражение некой объективной реальности, а то, что в православии называется словом «прелесть»), что лютеранское богословие – оно куцее, оно примитивизированное, как говорят иногда, «богословие купированное». Но это не так. И такое ложное представление создаётся именно из-за того, что мы мало говорим о том, что у нас на самом деле есть, мало это используем, мало пускаем в оборот, грубо говоря, зарываем тот талант, который Церковь копила две тысячи лет. И как только мы начнём из этой сокровищницы доставать – все ахнут. Первый такой шаг – несмотря на неоднозначные оценки – произведение Иоганна Арндта, уже вышедшее из типографии. На мой взгляд, это жемчужина, это уже не сухари, а вкусная картошка жареная.

– Кто-то из лютеранских пасторов говорит, что эта книга была первым шагом к пиетизму. Ещё не пиетизм, но уже в сторону пиетизма...

– Понимаете, это тоже довольно странная для Церкви Ингрии ситуация, когда эти богословские течения – пиетизм и непиетизм – начинают противопоставляться. Чаще всего я сталкиваюсь с таким противопоставлением, что есть пиетизм (важно, что само слово переводится как «благочестие»), и он толкуется как духовность, в нем насыщенная внутренняя жизнь видится, общение со Христом, – и есть сухая лютеранская ортодоксия, выхолащивающая живую веру лютеранская схоластика. И эта ортодоксия и пиетизм противопоставляются. Причём пиетизму противопоставляется ещё и любовь к литургическому наследию. Но нужно понимать, что лютеранское учение не укладывается только в книжный формат или только в не книжную, но благочестивую духовность. Оно ещё и «*lex orandi – lex credendi*», то есть оно развивается и раскрывается в литургической жизни. Но вот литургия, богословие, любовь к наследию древней Церкви (бывшей, между прочим, идеалом для Реформаторов) ставятся на одну сторону, и на противоположную сторону ставится пиетическая традиция. В частности, Арндт оказывается зачислен в лагерь пиетистов. И, на мой взгляд, совершенно искусственно предлагается этим двум сторонам воевать. Но я не считаю, что человек с пиетическим складом души не может быть сторонником, например, высокой литургии. Это понятия, которые должны как-то взаимопроникать друг в друга, не противоречить. И надо как раз убрать это мнимое противостояние, сказать: выдохните, вы сейчас боретесь с ветряными мельницами, поймите, что это всё – общее наследие Церкви, нужно брать и отсюда, и отсюда. Есть не только морковку, но ещё и картошку.

– И последний вопрос из нашей церковной практической жизни. Как в свете того, что женщина не может учить, у нас женщины проводят молодёжные собрания, библейские часы в присутствии совершеннолетних мужчин?

– На мой взгляд, здесь надо чётко отделять то, что называется латинским словом *magisterium*, учительство Церкви, от лица Церкви, компетентное учительство, которое наиболее полно выражается в литургическом пространстве и к которому призваны только мужчины, от того наставления в вере, которое преподается вне богослужения. Когда женщина попытается подняться на кафедру или войти в алтарь – вот тогда надо будет бить в набат. Но за пределами литургии, в Воскресной школе, на молодежном собрании – почему бы и не учить? Ты знаешь, ты хорошо богословствуешь, хорошо разбираешься в вопросе – расскажи другим. Не проблема. Главное, чтобы не было покушения на то, что является прерогативой только священника-мужчины, – это богослужение, Таинства и учение *ex cathedra*. Библейские часы в храме и конфирмационные занятия я бы тоже оставил за священниками, так как здесь также реализуется упомянутый *magisterium*. Во всём же остальном, мне кажется, может быть достаточно большая свобода действий. Можем вспомнить Терезу Авильскую, носящую титул «Учитель Церкви».

Беседовала Ольга Рудая